

УДК 80

И.В. Денисова

**ЛЕТОПИСНЫЙ МИФ ОБ ОЛЕГЕ РЯЗАНСКОМ
(«ПОВЕСТЬ О НАШЕСТВИИ ТОХТАМЫША»)**

Противоречивость художественного образа князя Олега Ивановича Рязанского рассмотрена в контексте «Повести о нашествии Тохтамыша», читаемой в общерусских сводах XV–XVI веков. Летописный миф о рязанском правителе в данном тексте создан на основе библейских цитат, воинских формул, использовавшихся книжниками в зависимости от времени и места создания памятника древнерусской литературы.

древнерусская литература, князь Олег Рязанский, летопись, библейские цитаты, воинские формулы.

К судьбе и деяниям князя Олега Ивановича Рязанского (ок. 1336–1402) обращались древнерусские книжники в литературных повестях, летописях и договорных грамотах. Рогожский летописец первой половины XV века, Московский летописный свод конца XV века, Симеоновская летопись конца XV века, Воскресенская летопись XIII–XIV веков и Новгородская II XVI века, Летописный сборник, именуемый Патриаршим, или Никоновским, XVI века создают яркий и противоречивый образ правителя. Четко прослеживается следующая закономерность: в зависимости от времени создания памятника меняется характеристика князя. Авторы-современники описываемого события передавали свои впечатления «по горячим следам». Взгляд летописцев последующих поколений, знакомых с историей по предыдущим сводам, хронографам, легендам и преданиям, отличается от мнения свидетелей происходящего. Принадлежность книжника тому или иному княжеству тоже имеет большое значение. Если «писатель» – рязанец, его рассказ отличает правдивость, склонность к объективности и личное отношение к происшедшему; если московского происхождения – необходимо проверить данное летописное известие на предмет тенденциозности, так как в ряде случаев отмечается явно предвзятое отношение к рязанскому князю, воевавшему с Москвой на протяжении 35 лет – с 1353 по 1387 год. Поэтому очевидно, что восприятие образа правителя зависит от многих, дополняющих друг друга факторов и литературного, и внелитературного характера.

Исследователей разных лет привлекала противоречивая личность Олега и неоднозначное изображение князя в древнерусских произведениях, в первую очередь относительно его участия в Куликовской битве. Существует точка зрения, согласно которой рязанский правитель вступил в союз с ханом Мамаем и литовским князем Ягайлой против Москвы, а позже сдал Москву хану Тохтамышу. В XIX веке Н.С. Арцыбашев, рассмотрев высказывания московских летописцев об Олеге Ивановиче, писал: «Обстоятельства той войны так искажены

витийством и разноречием летописцев, что во множестве прибавок и переиначек весьма трудно усмотреть настоящее»¹. Д.И. Иловайский в труде «История Рязанского княжества» добавил: «В наше время исторической критике пора, наконец, освободить Олега от незаслуженных нареканий и взглянуть на него поближе»². Д.И. Иловайский, считал, что в 1380 году Олег принес Мамаю и Ягайле «гораздо более вреда, нежели помощи», и вместе с тем спас от разгрома Мамаем свое княжество. В XX столетии историк А.Г. Кузьмин на основе сравнительного анализа летописных источников убедительно доказал, что все обвинения в адрес Олега Ивановича имеют позднее происхождение (прочитываются преимущественно в Никоновской летописи)³. Интересна попытка писателя Ф.Ф. Шахмагонова воспроизвести обстоятельства битвы 1380 года и психологические мотивы главных исторических лиц. Анализируя ситуацию, он делает вывод, что у князя Олега созрело единственно правильное решение: вступить в тайный союз о взаимной помощи с московским князем, полагаясь только на верность княжеского слова. Для бояр, с согласия московского князя, Олег Иванович заключил договор с Мамаем, якобы тайный для Дмитрия Ивановича. Таким образом, рязанский правитель получал возможность узнать военные планы Мамаю, сроки его выступления, а также выяснить, кто будет его союзником⁴. Сегодня рязанский правитель в этом отношении полностью оправдан историками и филологами.

Вместе с тем печать мифа о князе-изменнике и «поборнике бесерменском», созданного московскими книжниками, лежит на целом ряде летописей. Среди многочисленных рассказов летописных сводов об Олеге Рязанском известна «Повесть о нашествии Тохтамышша» от 1382 года. Ее списки содержатся в Новгородской IV (XV век), Софийской I (XV век), Новгородской Карамзинской (первая половина XV века) летописях. Остальные сокращенные или распространенные варианты восходят к тексту повести в составе этих летописей. Повесть составлена на основе краткого летописного рассказа о нашествии Тохтамышша, входившего в состав Рогожского летописца и Симеоновской летописи. Она создана одновременно с повестью о Куликовской битве в одном кругу книжников, на что указывает использование одного источника – «Слова на Рождество Христово о пришествии волхвов». Это типичная летописная повесть об исторических событиях конца XIV века: взятии в 1382 году татарским ханом Тохтамышем⁵ Москвы и других, близких к столице городов – Владимира, Юрьева, Можайска, Звенигорода, Переяславля. Тохтамыш, желая усмирить русских князей, воспрянувших духом после Куликовской битвы, 24 августа 1382 года

¹ Арцыбашев Н.С. Повествование о России : в 2 т. М., 1843. Т. 1. С. 587.

² Иловайский Д.И. История Рязанского княжества. М., 1990. С. 83.

³ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965. С. 220.

⁴ Шахмагонов Ф.Ф. Кого же предал рязанский князь Олег? // Тайны веков : сб / сост. В. Суханов. М., 1977. С. 384–403.

⁵ Хан Золотой Орды в 1380–1395 гг., хан Тюменского ханства с 1400 г., один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана.

с большим войском подошел к Москве, в которой ввиду полной ее беспомощности поднялся мятеж. На помощь городу пришел литовский князь Остей. Два дня москвичи и литовцы упорно защищались. Тохтамышу удалось взять Москву хитростью, подослав нижегородских князей Василия Кирдяпу и Семена Дмитриевича, которые поклялись, что татарский хан ничего дурного русичам не сотворит, если они сдадутся. 26 августа Москва сдалась. Обещание не было исполнено: много людей погибло, город был разграблен. После этого татары взяли Переяславль, Владимир, Юрьев, Звенигород, Можайск и другие подмосковные города. На обратном пути в Золотую Орду татары разграбили Рязанскую землю.

В летописной «Повести» подробно передается последовательность движения татарского войска, перечисляются все плененные города, особое внимание обращается на Рязань и князя Олега Ивановича, предавшего согласно тексту христианство и православный русский народ. По Симеоновской летописи, «... князь великий Олег Рязанский обведе царя около всеи своеи отчины...»⁶; Рогожский летописец добавляет: «...И указа ему вся броды на Оце...»⁷. Никоновская летопись утверждает: «...А князь Олег Рязанский среде царя Тахтамышша, донели же не вниде в землю его и би челом ему и бысть помощник ему на християны...»⁸. Историк А.Г. Кузьмин справедливо отметил, что «неестественность фразы, обвиняющей рязанского князя, особенно заметна в Симеоновской летописи и в Рогожском летописце, т.е. в летописях древнейшей традиции, текст которых не дает оснований для обвинения»⁹. К тому же вскоре после разорения Москвы Тохтамыш прошелся и по Рязанской земле. Данный факт можно оценить как еще одно свидетельство того, что в 1382 году Рязань не оказывала помощи татарам.

Выделенные выше замечания об изменнических действиях князя Олега являются поздними вставками в своды, возможно имеющими то же происхождение, что и выпады против рязанского правителя в летописной повести о Куликовской битве, отмечающей активную роль рязанского князя как пособника татарского хана Мамаю. Составители повести не поскупились на эпитеты, характеризующие Олега Рязанского: «велеречивый», «худый», «поборник бесерменский» и т.д. Авторы не стали разбираться в причинах его поведения, заклеив предателем. В связи с этим справедливо полагать, что вставки сделаны кем-то из московских книжников в период противостояния Москвы и Рязани, их обоюдного неприятия¹⁰. Можно сравнить текст повести с Новгородской I летописью, которая не содержит никаких упоминаний об Олеге Рязанском в связи с описанием трагедии в Московском и Рязанском княжествах в 1382 году, хотя летописец, скорее всего, являлся современником событий. Это вновь указывает на надуманность обвинений князя Олега со стороны московских книжников.

⁶ Симеоновская летопись // Русские летописи. Рязань, 1997. Т. 1. С. 268.

⁷ Рогожский летописец. Тверской сборник // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 15. Вып. 1. Стб. 143.

⁸ Патриаршая или Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 11. С. 81.

⁹ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. С. 229.

¹⁰ Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. С. 221–228.

В тексте Никоновской летописи, содержащей больше по сравнению с другими памятниками известий о Рязани, обнаруживаем последовательное повествование событий 1382 года. Летописец не дает оценки поведению Дмитрия Константиновича Суздальского, пославшего своих сыновей Василия и Семена на помощь Тохтамышу, зато Олег Иванович именуется «помощником на христиань». В финале повести «списатель» Никоновской летописи вновь возвращается к отрицательной характеристике рязанского главы: «...Царь же Тахтамышь отшел от Москвы и взя град Коломну и перевезеся оттуду за реку за Оку и взя землю Рязаньскую и огнем пожже, а люди изсече, а инии разбегошася, а иные в полон поведоша, многое множество, а князь Олег Рязаньский убеже...»¹¹. Автор не награждает рязанца яркими эпитетами («отступник», «лукавый») и метафорами («кровопивец христианский», «новый Иуда-предатель»), как, например, в летописной повести о Куликовской битве. Однако сказано, что он бил челом татарскому хану и был помощником ему в борьбе с христианами. Для современника Олега этих слов вполне достаточно, чтобы считать русского князя предателем. К тому же в повести подчеркивается, что в момент взятия города татарскими войсками «князь убеже», имея в виду, что такой поступок тоже не делает ему чести. Тогда как составитель Софийской I летописи напрямую говорит о причинах такого поведения правителя: «...Еще же царя обведе около своея вотчинныи земли Рязаньскыя, хотяше бо добра не намъ, но своему княжению помогаше...»¹². Звучит в этих словах если не попытка оправдать князя, то, по крайней мере, желание, вникнув в его поступки и помыслы, отказаться от соблазна называть его предателем, к чему были склонны иные создатели летописных статей.

Особо отмечает «списатель» Никоновской летописи весть, присланную Дмитрию Ивановичу «от некоторых добра хотящих христианом, живущи тамо на пределах Татарьских», о приближении татарского войска. Московский князь назван «великим», так как он выступает в роли общерусского миротворца и пытается призвать русских князей к единению в борьбе с общим врагом. Однако все попытки его тщетны из-за «бывшу же промеж ими неодиначеству и неимовьству...»¹³. Для выражения основной идеи повести автор также приводит слова пророка Давида: «...се, коль добро и коль красно, еже жити братии вкупе»; «...друг другу да пособля и братъ брату помогаю, яко град твердь есть»¹⁴. Летописец цитирует Песнь восхождения пророка Давида (Псалтирь: 132; 1), прославляющего единство народов, сравнимое с драгоценным елеем и ермонской росой. После этого в повести говорится и о взятии Москвы, и о захвате многих других городов, расположенных вблизи от «центра Руси», что, по мнению книжника, служит прямым подтверждением слов пророка: князь отказались помочь друг другу и именно поэтому великий город пал.

¹¹ Патриаршая или Никоновская летопись. С. 81.

¹² Софийская I летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Вып. 1. М., 2000. Т. 6. С. 472.

¹³ Патриаршая или Никоновская летопись. С. 81.

¹⁴ Там же.

В описании разорения подмосковных городов не единожды прочитывается устойчивое выражение «а инии ходиша», в котором варьируются формы глагола: «...А инии ходиша к Звенигороду и к Можайску и тем тако же створиша, а инии шедше в Переславль, взяша и пожгоша его... А инии к Юрьеву шедша...»¹⁵. Благодаря этому словосочетанию не только воссоздается страшная картина разорения русских земель, но и передается ощущение всеобщего несчастья, от которого никому невозможно спастись. Надежда появляется в лице брата московского князя Владимира Андреевича, бывшего «на Волоце». Он силами небольшого войска прогнал татар из московских пределов: «...и тако милостию Божьею иных исьсекоша, а иных живых поимаша, а инии побегоша...»¹⁶. Поступок серпуховского князя в тот момент, когда другие или бежали, или скрывались в отдаленных пределах, оценивается летописцем как пример храбрости и воинской доблести, принесших Владимиру Андреевичу право называться «заступником земли Русской».

В отличие от Никоновского свода, содержащего краткий пересказ событий набега татаро-монголов в 80-х годах XIV века, Софийская I летопись подробно описывает происходящее. Начинает книжник с типичного для воинских повествований топоса – описания природного явления, которое посчитали небесным знаменем перед пришествием Тохтамыша на Русь: «Бысть некое проявление, по многы нощи являшеся таково знамение на небеси на вьстоце пред раннею зарею, звезда некая хвостата и акы копеиным образом...»¹⁷. Подобные сравнения часто встречаются в летописных повестях эпохи татаро-монгольского нашествия. Приход в пределы Руси золотоордынцев традиционно расценивался с религиозно-символической точки зрения как Господне наказание, как проявление Божьего гнева за умножение грехов человеческих. Предзнаменованием «на небеси» появлялась или «кровавая звезда», или «звезда хвостата». Данные сравнения летописцы, как правило, помещали в начале повествования, готовя читателя к рассказу о страшных, кровопролитных событиях и напоминая о возмездии за многочисленные грехи, совершаемые людьми.

Сыновья великого князя Дмитрия Суздальского, Владимир и Семен, перешедшие на сторону Тохтамыша, осуждаются автором: «... ослепи бо их злоба татарская, и омрачи я прелесть бесерменьская»¹⁸. Однако не забывает повествователь и о славных подвигах защитников Москвы. Литовский князь Остей, внук великого князя Олгерда, взявший на себя управление осажденным городом, героически погибает одним из первых. Создавая этот образ, автор не использует красочные эпитеты, метафоры, гиперболы, которыми насыщена, к примеру, «Повесть о разорении Рязани Батыем». Однако читателю и так понятен подвиг литовского князя, отдавшего жизнь в бою. Пишет книжник и о некоем Адаме, московском суконнике, путившем стрелу в сердце молодого ордынского князя, причинив тем самым боль самому Тохтамышу и подняв боевой дух русского воинства. Обращение к подвигу

¹⁵ Патриаршая или Никоновская летопись. С. 81.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Софийская I летопись старшего извода. С. 471.

¹⁸ Там же. С. 478.

простых дружинников – черта воинских повествований эпохи татаро-монгольского нашествия, развивающаяся в дальнейшем по нарастающей («Повесть о битве на реке Калке», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и др.).

И Никоновская, и Софийская I летописи содержат высказывания библейского пророка Давида, либо призывающего князей к объединению, либо передающего ужас осквернения христианской земли. В подобных пересказах библейских цитат вновь обнаруживаются устойчивые воинские формулы («пролиയാ кровь акы воду», «град твердь есть»), помогающие выразить основную идею произведения, обращаясь к традиционной воинской стилистике, – необходимость объединения христианских князей в борьбе с иноверцами. Применяя устойчивые выражения, книжник стремится распространить их, придать яркость и выразительность. Так, описывая обстрел горожан татарскими войсками, автор дополняет формулу сравнением: «Они паче своими стрѣлами стрѣляху на град, акы дождь умножѣн зело, ни дадуце ни прозрѣти»¹⁹. Распространяется традиционная формула начала битвы: «Была бо тогда сѣча велика зело»²⁰. Формула множества дополняется уточняющим членом: «А людие иссѣченых множество трупия лежаща мертвыхъ...»²¹. Так летописец показал беспомощность горожан перед многочисленным татарским войском.

В Новгородской I летописи, как и в повести Софийской I, книжник обращается к словам пророка («...якоже Господь глагола пророком...»): «...аще хотите послушаете, благая зємьяная снете, и положю страх ваш на вразех ваших; аще ли не послушаете мене, то побегнете, никим же гоними; пошлю на вы страх и ужасъ, побегнуть вас от 5–100, а отъ 100–10 000...»²². Дается вольный пересказ Священного Писания (Левит: 26; 17 и Иеремия: 15; 8), где речь идет о падении Иерусалима и бегстве иудеев из города. Фразу «...побегнуть вас от 5–100,

а отъ 100–10 000...» книжник вставил для яркой иллюстрации бегства наказанного народа в укор московскому князю Дмитрию Донскому, покинувшему осажденный город вместе с семьей. По мнению И.Н. Данилевского, анализ канонических текстов в составе древнерусских письменных источников позволяет расширить возможности выявления исторической информации²³.

Цитируя пророка Давида и вслушиваясь в голос Господа, говорящего его устами, летописец развивает и подкрепляет основную мысль повести: призыв людей к объединению перед лицом «поганных» и к праведной жизни во Христе. Р. Пиккио отмечает, что цитата из Священного Писания открывает читателю сокровенный смысл произведения²⁴. На помощь осажденному городу пришел лишь литовский князь Остей, русские же правители, опасаясь за свою жизнь

¹⁹ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 3. С. 476.

²⁰ Там же. С. 480.

²¹ Там же. С. 483.

²² Там же. С. 478.

²³ Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 95.

²⁴ Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003. С. 18.

и оберегая вверенные им территории, оставили Москву на разграбление ордынцам. В данном контексте чувствуется укор Олегу Ивановичу Рязанскому, указавшему хану Мамаю броды на реке Оке. Наряду с нижегородскими князьями, в глазах книжника рязанский правитель выглядит предателем.

Итак, летописный миф об Олеге Рязанском представляет собой совокупность мнений книжников различных эпох и княжеств, выражающих свою точку зрения с помощью различных средств: библейских цитат, форм выразительности речи, воинских формул. Преобладающее число древнерусских памятников о рязанском правителе XV–XVI веков ориентировано на Московское княжество, поэтому Олег Иванович предстает «поборником бесерменским», «Святополком окаянным», «кровопийцей христианским». На первый план при создании художественного образа летописцы ставили идею объединения русских князей в борьбе с общим врагом и ведущую роль правителя в миротворческой миссии. Подтверждением служат выдержки из Священного Писания и распространенные устойчивые воинские выражения, передающие масштаб разорения Русской земли. Лишь Новгородская I летопись, не зависящая от Москвы и современная описываемым событиям, не содержит негативных характеристик князя. Личность князя давно оправдана историками, противоречивый художественный образ, созданный летописцами разных эпох и разных княжеств, продолжает жить в древних текстах, порождая все новые интерпретации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилевский, И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов [Текст]. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 370 с.
2. Иловайский, Д.И. История Рязанского княжества [Текст]. – М. : Изд. книгопродавца А.Л. Васильева, 1990. – 220 с.
3. Кузьмин, А.Г. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века [Текст]. – М. : Наука, 1965. – 286 с.
4. Лобакова, И.А. К полемике о соотношении «Повести о разорении Рязани Батыем» со Словом о житии и преставлении Дмитрия Ивановича и Повестью о нашествии Тохтамыша [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2006. – Т. 57. – С. 519–542.
5. Орлов, А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) [Текст] : моногр. / Императорское о-во истории и древностей российских при Московском университете. – М., 1902. – 64 с.
6. Пиккио, Р. Slavia Orthodoxa: Литература и язык [Текст]. – М. : Знак, 2003. – 720 с.
7. Полное собрание русских летописей. – М. : Наука, 1965. – Т. 11 ; 2000. – Т. 3, 6. – Вып. 1. – Т. 15. – Вып. 1.
8. Салмина, М.А. Летописная повесть о нашествии Тохтамыша (к вопросу о времени создания памятника) [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – СПб., 2006. – Т. 57. – С. 190–196.
9. Салмина, М.А. Повесть о нашествии Тохтамыша [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1979. – Т. 34. – С. 134–151.

10. Салмина, М.А. Повесть о нашествии Тохтамыша на Москву [Текст] // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). – Ч. 2. – Л–Я / ИРЛИ АН СССР ; отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л. : Наука, 1989. – С. 254–255.

11. Творогов, О.Н. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси [Текст] // Труды отдела древнерусской литературы. – М. ; Л., 1964. – Т. 20. – С. 29–41.

12. Шамбинаго, С.К. Исторические повести [Текст] // История русской литературы. – М. ; Л., 1945. – Т. 2. – Ч. 1. – С. 206–208.

I.V. Denisova

THE CHRONICLE MYTH ABOUT OLEG OF RYAZAN ("STORY ABOUT TOKHTAMYSH'S INVASION")

The contradictory of the artistic image of the Prince Oleg Ivanovich of Ryazan considered in the context "Story about Tokhtamysh's invasion", that is reading in the all-Russian vaults of XV–XVI centuries. The chronicle myth of Ryazan governor in this text was created with Biblical quotations, military formulas, that the scribes used depending on the time and location of the monument of old Russian literature.

biblical quotes, military formulas, the old Russian literature, the Prince Oleg of Ryazan (Ryazanskiy), chronicle.